

Се Фучэнь действительно стоял на пороге смерти. В этот предсмертный миг всё, о чём он думал и говорил, было пронизано подлинными, идущими от самого сердца чувствами, и Чжэнь Вэньцзюнь отчётливо это ощущала. Казалось, бывшему Великому Сыма, который когда-то вёл сотысячное войско на штурм Запретного города, хотелось сказать ей очень многое. Однако, хотя она и пришла по его зову, Се Фучэнь почему-то так и не открыл ей все свои мысли. Он явно что-то утаил.

Странное поведение Се Фучэня и то, что их рассказы о гибели матушки не сходились, глубоко озадачили Чжэнь Вэньцзюнь.

В самой глубине её души зашевелились некие мрачные, скрытые от чужих глаз догадки, готовые вот-вот прорасти наружу. Озарённая первыми золотыми лучами солнца, едва пролившимися на Жунин, она во весь опор помчалась к вершине горы Ляоси. Обыскав всё вокруг, она наконец наткнулась на те самые два кипариса, о которых говорил Се Фучэнь. Между деревьями и впрямь виднелся одинокий маленький могильный холмик, на котором было начертано: «Могила старого друга А-Цюн».

А-Цюн?

Чжэнь Вэньцзюнь подошла ближе. Надгробие было установлено совсем недавно, и на сизом камне аккуратным каллиграфическим почерком высекли лишь эти шесть иероглифов.

Она опустилась на землю, прильнула к надгробию матери и бережно коснулась его рукой:

- Матушка...

И хотя в глубине души она давно смирилась с тем, что матери больше нет в живых, при виде настоящего надгробия её вновь захлестнула невыносимая скорбь. Матушка совсем одна покоилась здесь, а Жунин был так близко от неё, и Чжэнь Вэньцзюнь даже ни разу не пришла навестить её. Тысячи слов теснились в груди, но застревали в горле, она не могла вымолвить ни звука.

Тогда их разлучили насильно, а сегодняшняя встреча произошла, когда их уже разделяла черта между жизнью и смертью.

Чжэнь Вэньцзюнь долго плакала, обняв холодный камень. Лишь когда горечь и тоска полностью излились слезами, она утёрла лицо и принялась пристально, вдумчиво разглядывать надпись: «Могила старого друга А-Цюн».

Было ли «А-Цюн» детским именем её матери? Но почему о нём знал Се Фучэнь? В Великой Юй женщины редко имели официальные имена, к ним чаще обращались по названию семьи - госпожа Вэй, госпожа Се. Лишь те родители, что не чаяли в детях души, давали им ласковые домашние имена, такие как А-Синь, А-Ляо. Их использовали только самые близкие люди. Женское домашнее имя никогда не открывали незнакомцам, и уж тем более чужой человек не

стал бы высекать его на могильном камне усопшей.

Что же до имени «А-Лай», то им её нарекли слуги в доме Се в Суйчуане исключительно для удобства, и матушка безропотно с этим согласилась, так и не выбрав для дочери достойного имени. А ведь мать была высокообразованной женщиной, и придумать красивое имя не составило бы для неё никакого труда. Матушка всегда стремилась оградить её от мира, не желая, чтобы дочь привлекала к себе внимание, и оберегала её даже от слуг в поместье Се. В те годы А-Лай была слишком мала и многого не понимала, просто послушно выполняя всё, что ей велели. Но теперь, оглядываясь назад, она осознавала, что матушка непрестанно была настороже. Она бдительно следила за тем, чтобы никто не похитил сокрытое ею «сокровище». Именно поэтому она велела дочери держаться в тени, но в то же время, ради сохранения этой тайны, приложила все силы, чтобы вырастить из неё свою преемницу. И этой преемницей стала её собственная дочь.

Вспоминая поведение Се Фучэня в императорской тюрьме, казалось очевидным, что они с матерью знали друг друга давным-давно. Если так, то его странные поступки находили логичное объяснение. Но какие пути связывали их в прошлом? И почему матушка оказалась именно в ветви семьи Се из Суйчуаня? Быть может, она сделала это намеренно? Она не хотела, чтобы Се Фучэнь нашёл её, но по какой-то особой причине ей было жизненно необходимо находиться недалеко от семьи Се, и потому она выбрала Суйчуань в качестве убежища. Она надеялась затаиться, но никак не могла предвидеть, что Се Тайхан окажется зверем в человеческом обличье и обесчестит её, в результате чего на свет появилась дочь...

Неужели всё было именно так?

Чжэнь Вэньцзюнь сидела перед могилой, не отрывая взгляда от иероглифов «А-Цюн».

Она всегда знала, что происхождение её матери окутано глубокой тайной. Для прежней А-Лай мать была просто матерью. Какие бы секреты та ни скрывала, если она не хотела говорить, дочь не расспрашивала. Кто же мог подумать, что её судьба окажется переплетена с самим Се Фучэнем. Родовое имя «Сяо», скорее всего, было лишь вымыслом, фальшивкой для сокрытия истины, а её настоящее имя было А-Цюн.

Чжэнь Вэньцзюнь казалось, будто она бредёт в густом тумане, поднявшемся ещё полтора десятка лет назад. Она отчаянно пыталась отыскать среди этой мглы верный путь, на котором были рассеяны крупинки тайн её матери и загадка её собственного рождения. В тумане смутно проступали очертания истины, но стоило ей броситься вперёд, чтобы схватить их, как они бесследно таяли в ладонях...

Чжэнь Вэньцзюнь не желала сдаваться. Ей не давало покоя отчётливое предчувствие, что когда-то она уже держала в руках самый главный ключ к этой тайне, просто сейчас никак не могла об этом вспомнить.

Что же это было?..

Обхватив голову руками, она принялась шаг за шагом воскрешать в памяти каждую крупницу того времени, когда её насильно сделали лазутчицей, пытаясь отыскать хоть какую-то упущенную зацепку.

Господин Юньмэн.

Господин Юньмэн?!

Чжэнь Вэньцзюнь вскинула голову, её мысли мёртвой хваткой зацепились за господина Юньмэна.

В каждый переломный, судьбоносный момент этот человек неизменно оказывался на виду. В первый раз это было, когда Се Тайхан отрубил её матушке три пальца, чтобы угрозами заставить саму А-Лай прикинуться Чжэнь Вэньцзюнь. Второй случай выглядел ещё более невероятным. Когда она, изменив облик, проникла в дом Се, господин Юньмэн, якобы ничего не подозревая, самолично донёс до неё весть о гибели матери. Тогда всё это казалось лишь случайной удачей на её пути, и у неё не возникло сомнений. Но что, если господин Юньмэн с самого начала знал, кто она такая?

От этой мысли Чжэнь Вэньцзюнь резко вскочила, мгновенно побледнев.

Всё сходилось! Этот старик Юньмэн вызывал огромные подозрения.

Она в лихорадочной тревоге мерила шагами вершину горы Ляоси, тщательно воскрешая в памяти каждое действие господина Юньмэна.

С высоты её нынешнего опыта Чжэнь Вэньцзюнь понимала, что умом и хитростью Юньмэн намного превосходил Се Тайхана. Се Тайхан был трусом, бежавшим при первом же набеге мятежников, и по своим достоинствам совершенно не заслуживал иметь при себе столь одарённого стратега. Да и какой амбициозный советник добровольно пошёл бы в услужение к мелкому провинциальному чиновнику в Суйчуань? В тот день на замёрзшей реке ничтожный в своих помыслах и поступках Се Тайхан даже не посмел прямо взглянуть на то, как её матери отсекают пальцы.

И тут в её памяти всплыла сцена, которую она когда-то случайно подсмотрела в поместье Се в Суйчуане.

Матушка тогда сказала: «Хорошо, я согласна».

«О?» – господин Юньмэн, казалось, был слегка удивлён её ответом.

«Но взамен ты тоже должен пообещать мне кое-что».

О каком уговоре шла речь между господином Юньмэном и её матерью в тот день? Чжэнь Вэньцзюнь не знала. Матушки больше нет, и теперь единственный, кто способен дать ответ, был сам господин Юньмэн.

Се Тайхану не хватило бы ни духа, ни ума, чтобы в одиночку провернуть такое колоссальное дело, как покушение на Вэй Тинсуй. Он был лишь пешкой, марионеткой, которую дёргали за ниточки.

Может ли быть, что тот, кто скрывался за кулисами, подстрекая и обольщая его, был не кто иной, как господин Юньмэн?

Впрочем, Юньмэн тоже не походил на главного кукловода. Как и Янь Е, он был лишь исполнителем, карающей рукой и острым клинком. Кто же стоял за ним? Се Фучэнь? Но если это Се Фучэнь, зачем ему понадобилось забирать матушку посреди пути? Разве он не мог держать её подле себя с самого начала? К тому же Се Фучэнь утверждал, что из-за вечной занятости так ни разу и не увидел её, о чём горько сожалел перед смертью. В это вполне верилось. Се Фучэнь вёл войну против Вэй Луня и Ли Яньи. В столь масштабном противостоянии число засланных лазутчиков шло на сотни, если не на тысячи. Чжэнь Вэньцзюнь была лишь одной из них, а её матушка и вовсе крошечной, незначительной фигурой. У Се Фучэня не имелось веских причин лично заниматься ею, всеми связями от начала до конца заведовал Янь Е. А Янь Е был предан Се Фучэню до гробовой доски и даже погиб ради него, так что искать здесь двойное дно не имело смысла.

Все нити сходились исключительно на господине Юньмэне. На самом деле Чжэнь Вэньцзюнь давно присматривалась к нему, считая его главным пособником в гибели матери, которого непременно нужно уничтожить. Вот только когда поместье Се обыскивали и конфисковали, этот старый хрыч успел сбежать самым первым, и схватить его не удалось!

В ярости Чжэнь Вэньцзюнь пнула подвернувшийся под ноги камушек. Она из-под земли достанет этого старого лиса.

И этот лис, по всей видимости, был человеком Ли Яньи - злейшего врага Се Фучэня.

Однако всё это оставалось лишь догадками, не подкреплёнными ни единой уликой. Чжэнь Вэньцзюнь попыталась успокоить себя: нельзя делать окончательные выводы, основываясь лишь на внезапном озарении.

Говорят, перед смертью люди не лгут. Но Се Фучэнь до последнего вздоха оставался Се Фучэнем. Не исключено, что он позвал её в темницу лишь ради того, чтобы вбить клин между ней и правительницей, а заодно рассорить Вэй Тинсуй с императрицей, чтобы перед собственной кончиной заставить врагов уничтожать друг друга. Слишком уж дёшево ему обходились эти сомнения. Пара туманных фраз да свежее надгробие, и вот она уже готова подозревать Ли Яньи. Более того, ещё неизвестно, покоится ли в этой земле её матушка.

Чжэнь Вэньцзюнь долго смотрела на могильный камень. В её груди крепло непреодолимое

желание.

Достаточно ведь просто раскопать этот небольшой холмик и взглянуть своими глазами, верно? Если внутри действительно окажется обгоревшее тело матери, это будет означать, что Се Фучэнь по крайней мере в этом не солгал, даже если огонь изменил её до неузнаваемости, Чжэнь Вэньцзюнь была уверена, что сможет её узнать. Если же могила окажется пустой, значит, всё это лишь предсмертная уловка Се Фучэня.

Она долго стояла перед надгробием, взвешивая все «за» и «против», но так и не решилась поднять руку.

Она до боли боялась разрыть землю и увидеть изуродованное пламенем тело матери, но ещё больше она боялась потревожить покой той, что наконец обрела вечное пристанище. Это стало бы величайшим непочтением.

Она не могла так поступить.

– Матушка, твоя непутёвая дочь просит прощения. До сих пор я не знаю, кто повинен в твоей гибели, и даже не уверена, ты ли покоишься в этой земле. Но клянусь тебе: я распутаю этот клубок тайн и верну твоей душе покой, – Чжэнь Вэньцзюнь трижды отвесила глубокие поклоны, ударяясь лбом о землю, и её сердце наполнилось трагической решимостью.

Она прекрасно понимала, что находясь в этом густом тумане, нельзя хвататься за воздух вслепую. Нужно дойти до самого конца дороги и отыскать первопричину, и лишь тогда она получит ответы.

А первопричина крылась в одном: кем на самом деле была её матушка?

Носила ли она имя Сяо или звалась А-Цюн? И почему она предпочла скрывать своё происхождение именно в суйчуаньской ветви семьи Се? Стоит разгадать это, и истина откроется сама собой.

Единственной зацепкой, что оставалась у неё на руках, был тотем чёрной птицы Сюаньняо.

Когда-то в кабинете Се Фучэня она случайно наткнулась на сплетённое из травы изображение Сюаньняо. Раз оно показалось ей смутно знакомым, значит, в прошлом она уже где-то видела его. Се Фучэнь знал матушку, а значит, этот тотем, весьма вероятно, имел к ней прямое отношение. Чжэнь Вэньцзюнь предполагала, что могла мельком видеть его в далёком детстве, оттого и воспоминание стёрлось. Но именно этот символ мог сорвать покров с тайны личности её матери.

Попрощавшись с могилой матери, Чжэнь Вэньцзюнь поспешно вернулась в поместье Вэй и немедленно вызвала к себе Бу Цзе.

Раньше Бу Цзе ютился в городских постоянных дворах. Однако после того, как он последовал за ней в Мэнлянь и прикрыл отступление, проявив незаурядную доблесть, Чжэнь Вэньцзюнь твёрдо вознамерилась продвинуть его по службе. Она попросила позволения у Вэй Тинсюй принять Бу Цзе в поместье в качестве советника, чтобы тот служил семье Вэй. Вэй Тинсюй, наслышанная о его блестящих успехах во время затопления Мэнляня, охотно согласилась, и Бу Цзе обосновался в доме Вэй. Что до их прежнего боевого товарища А-Си, то та вернулась в родные края и изредка присылала Чжэнь Вэньцзюнь письма, а Цзо Куньда получил чин сяовэй¹ и перешёл под начало Вэй Цзиньяня.

¹Сяовэй (少尉) – воинское звание среднего командного состава в древнем Китае, военный чин.

Теперь Чжэнь Вэньцзюнь могла без труда вызывать Бу Цзе к себе прямо в поместье. Другие слуги семьи Вэй тоже были в её распоряжении, однако доверять им она не могла. Единственным, кого она считала своей неоспоримой опорой и преданным соратником, был Бу Цзе.

Она набросала на куске пергамента очертания Сюаньяня и протянула ему.

– Помоги мне разузнать происхождение этого тотема. Весьма вероятно, он берёт начало у варварских племён Ху, – с этими словами Чжэнь Вэньцзюнь вручила ему увесистый мешочек с серебром. – Эти деньги пойдут на дорожные расходы. Ты должен как можно скорее выведать секрет тотема Сюаньяня. Как только добудешь вести, не пиши писем, возвращайся сразу и доложи мне лично. Помни об этом!

Бу Цзе почтительно сложил руки перед грудью:

– Моя госпожа, будьте уверены. Вэньшэн не обмолвится об этом ни единой душе. Я отправлюсь в путь уже сегодня ночью!

Чжэнь Вэньцзюнь негромко вздохнула:

– Мы ведь только-только вернулись, чудом выжив в Мэнляне, а я снова вынуждаю тебя пускаться в дальнюю дорогу.

– Не говорите так, госпожа. Бу Цзе до гробовой доски не забудет, что именно вы разглядели во мне крупицу таланта и одарили своим доверием.

– Хорошо, хорошо! Встретить Вэньшэна – это и моя великая удача. Буду ждать твоего возвращения, береги себя в пути.

Бу Цзе покинул поместье Вэй под предлогом того, что отправляется навестить родню. Никто в доме не обратил внимания на отъезд столь незначительного советника.

Чжэнь Вэньцзюнь изо всех сил старалась унять тревогу, сохранять терпение и без лишней спешки ждать возвращения Бу Цзе.

Не успели в поместье разобраться с грудями мяса, привезёнными с недавней осенней охоты, как дом заполнили новые горы подношений, яств и дорогого вина.

Вэй Лунь получил назначение на посты Великого Сыма и начальника Императорского секретариата, а вдобавок удостоился титула гогуна. Величие его фракции достигло невиданных высот. К тому же поползли слухи, будто его второй сын вот-вот войдёт в императорский дворец в чине благородного супруга Гуйфэй. Если в будущем он сумеет помочь императрице явить на свет наследника престола, то станет «Супругом государства». Все те, кто прежде из страха сторонился Вэй Луня, теперь толпами валили назад. Пользуясь случаем, ведь глава семьи как раз вернулся с поисков пропавшего сына, они заполнили всю улицу перед воротами поместья Вэй, нагромождая повозки с новогодними дарами лишь ради мимолётной аудиенции. Дошло до того, что прослышав, будто младшая дочь семьи Вэй, Вэй Тинсюй, всё ещё не выдана замуж, свахи буквально истоптали порог дома. Две особо ретивые свахи даже устроили яростную драку прямо у дверей, споря, кому заходить первой, пока их обеих не вышвырнули взащей дворовые стражники.

- Прогнать их всех, а подношения вернуть до единого! Какое сейчас время года, чтобы ломиться с новогодними дарами? Смехотворно.

Вэй Лунь так и не сумел отыскать сына, а в столице его ждал целый ворох неотложных государственных дел. Не имея возможности долго оставаться на чужбине, он вернулся домой в крайнем смятении духа. Кто же мог подумать, что, даже не добравшись до собственного дома, он окажется зажат посреди дороги бесчисленными повозками просителей? Ему пришлось идти пешком. Если бы не находчивость слуг, грудью защищавших господина, Великий Сыма Вэй до сих пор сидел бы за воротами, не в силах шевельнуться.

Раздосадованный Вэй Лунь велел отослать обратно все подарки от незнакомых льстецов. Однако среди подарков были подношения от высокопоставленных коллег по службе, поздравлявших семью Вэй с обретением высшего чина первого ранга и пурпурных одеяний со знаками отличия. В этих поздравлениях, разумеется, сквозило желание выслужиться, но Вэй Луню приходилось их принимать. Ли Яньи сейчас остро нуждалась в формировании собственного правящего центра, и подбор верных людей был для неё головной болью. Вэй Луню требовалось как можно скорее сплотить вокруг себя влиятельные знатные семьи.

Вэй Лунь знал, что вся семья Се уже казнена рассечением надвое на рыночной площади, он лично ходил удостовериться, что Се Фучэнь отошёл в мир иной. Со смертью Се Фучэня ни один из тех, кто прежде опирался на его авторитет, не мог остаться в живых. У Се Фучэня повсюду хватало учеников и прежних подчинённых. И хотя некоторые из них сразу после его смерти поспешили оборвать с ним все связи, Ли Яньи не намерена была оставлять их в живых.

Ли Яньи ещё заранее велела Вэй Луню и Чжансунь Яо внести имена всех сторонников семьи Се в «Книгу провинностей против Дворца», чтобы покарать их поголовно по обвинению в государственной измене. Вэй Лунь и Чжансунь Яо, разумеется, не посмели проявить снисхождение, накатав размашистый список более чем на две тысячи человек. Однако если казнить их всех разом, реестр чиновников правящего двора полностью опустеет. Тогда Вэй Лунь и Чжансунь Яо подали императрице доклад, в котором убеждали Ли Яньи не спешить с поголовным истреблением, иначе это могло спровоцировать волну народного гнева. Куда лучше для начала казнить лишь самую близкую к Се Фучэню группу лиц. Убить курицу, чтобы напугать обезьян. Остальных же, если те поклянутся в верности, понизить в должностях и оставить на службе, лишив права на продвижение до конца дней. На чинах ниже шестого ранга всегда полно чёрной работы, которую нельзя прерывать ни на день, вот пусть они её и выполняют. Если в будущем они проявят себя с лучшей стороны и оставят мысли о бунте, тем лучше. Если же в их душах вновь зародится измена, то, лишённые реальной власти, они всё равно не сумеют поднять мятеж. Что же касается преданных чиновников, их следовало продвигать, но не абы как, а каждую должность необходимо было замещать исключительно людьми достойными и способными.

Ли Яньи согласилась с их доводами и поручила Вэй Луню выдвинуть кандидатуры одарённых мужей, чтобы в следующем году провести государственный отбор и выявить талантливых военачальников и министров в масштабах всей страны.

Вэй Лунь сосредоточил в своих руках колоссальную власть над назначениями. Количество тех, кто желал поступить на службу или получить повышение, было не сосчитать, из-за чего поместье Вэй оцепили столь плотным кольцом, что домочадцам стало крайне трудно входить и выходить из ворот.

Вэй Тинсуй в итоге решила вовсе не покидать дом.

Не выходя за порог, она преспокойно оставалась в своих покоях, любовалась цветами, жарила мясо и пила вино, проводя время весьма безмятежно.

Вэй Тинсуй пригласила Чжэнь Вэньцзюнь вместе полюбоваться луной этим вечером. Чжэнь Вэньцзюнь наспех привела себя в порядок и уже собиралась выйти на свидание, но, сделав всего пару шагов, в нерешительности повернула назад и замерла перед открытым деревянным сундуком, колеблясь.

Двор, в котором жила Вэй Тинсуй, именовался Бамбуковой обителью, поскольку прежде здесь всё было засажено тонким бамбуком. Ныне весь сад озарился светом зажжённых фонарей. После прошедшего осеннего дождя стойкие цветы «Пайхуай» снова ожили, а благодаря заботам Сяохуа стали выглядеть ещё краше и ярче.

Но как бы пышно они ни цвели, им оставался, пожалуй, последний месяц. Когда зима окончательно вступит в свои права, их ждёт лишь увядание.

В этот глубокий осенний вечер, когда от летнего зноя не осталось и следа, Сяохуа заранее

приготовила для Вэй Тинсуй меховое одеяло. На маленькой жаровне томилось подогретое жёлтое вино, а над ярко-алыми углями были подвешены две сочные, жирные бараньи голени. Окорочка успели прожариться лишь наполовину, жир растопился от жара, и его капли, сочась наружу, с шипением падали на угли, взмывая вверх лёгким дымком.

Сяохуа усердно смазывала мясо соусом. Вэй Тинсуй же, которая в детстве долгое время оправлялась от ран в буддийском храме, живя, бодрствуя и питаясь наравне с монахами, привыкла не испытывать к мясной пище особого вожделения. Она просто смотрела на цветы в саду, дожидаясь прихода Чжэнь Вэньцзюнь.

Эти две бараньи голени готовились исключительно ради неё.

Когда соус наносили уже в третий раз, Чжэнь Вэньцзюнь наконец соизволила явиться, слегка припозднившись.

Вэй Тинсуй откинула меховое одеяло, поднялась и лично шагнула ей навстречу.

Чжэнь Вэньцзюнь облачилась в то самое новое платье, что Вэй Тинсуй когда-то сшила для неё в Нанья. Длинные волосы она просто перевязала в конский хвост, спускавшийся до самой поясицы, держалась она скованно и явно смущалась. С тех пор как Линби ушла, её больше некому было причёсывать. Вэй Тинсуй порывалась приставить к ней другую служанку для личных услуг, но Чжэнь Вэньцзюнь отказалась. Она привыкла полагаться на собственные силы и не нуждалась в чужой заботе. Напротив, ей хотелось поскорее самой освоить все эти премудрости, чтобы в будущем прислуживать Вэй Тинсуй. Этим вечером перед выходом она сама укладывала волосы, битый час промучилась перед бронзовым зеркалом, то завязывая, то распуская пряди, и всё ей казалось не так. И лишь когда причёска наконец приняла мало-мальски приличный вид, она, сгорая от стыда, вышла показаться Вэй Тинсуй.

Вэй Тинсуй сидела неподвижно, не говоря ни слова одобрения, ни слова укора. Её взгляд намертво прикипел к Чжэнь Вэньцзюнь, детально изучая её, словно она смаковала зрелый плод, который взрастила своими руками.

Чжэнь Вэньцзюнь стала ещё выше и статнее. После возвращения из великой битвы при Мэнляне она будто повзрослела в одночасье. Взгляд сделался куда твёрже, а прежние округлые девичьи щёчки приобрели чёткие, точёные очертания. Перед ней стоял уже совершенно взрослый человек. Больше всего Вэй Тинсуй нравился разлёт её длинных бровей, придававший лицу отважный, воинственный вид.

Сяохуа как раз срезала тонкими ломтиками только что поджаренную баранину, как вдруг услышала за спиной вопрос Вэй Тинсуй:

– Помнишь, перед самым отъездом из Жунина в Мэнлян ты обмолвилась, что хочешь сказать мне что-то важное?.. – Вэй Тинсуй внезапно ворохнула прошлое. – Я тогда ответила, что мы поговорим, когда ты вернёшься. Теперь ты здесь. Так что же ты хотела сказать мне тогда?

Чжэнь Вэньцзюнь и думать забыла об этом разговоре. Опешив от столь внезапного вопроса Вэй Тинской, она на мгновение растерялась, не зная, куда деть руки и ноги.

– Разве было такое? – Чжэнь Вэньцзюнь поспешно присела и налила себе вина, собираясь выпить.

Сяохуа поторопилась выставить на стол блюдо с нарезанным мясом, пристроила рядом тарелку с фруктами и поспешно откланялась, желая поскорее оставить двор в полном распоряжении этих двоих. Госпожа вечно шла в атаку без предупреждения, так что Сяохуа едва успевала уносить ноги.

– Вздумала прикинуться пьяной, чтобы уйти от ответа? – Вэй Тинской прижала ладонью её руку с кубком и, прищурившись, с улыбкой посмотрела на неё. – Сперва ответь на мой вопрос.

Выйдя за ворота Бамбуковой обители, Сяохуа мысленно перекрестилась: какое счастье, что она успела приготовить все яства и вино до своего ухода. Иначе застрянь она там не вовремя, когда чувства бьют через край, торчала бы как истукан... вот была бы неловкость.

Не успела Сяохуа сделать и шага от ворот, как до неё донёлся знакомый звонкий голос.

– Ой? А когда это подле Тинской появилась такая сочная красавица? Я ведь тебя ни разу не видела! – А-Ляо, переговариваясь и смеясь со своими сёстрами, как раз направлялась к Бамбуковой обители и столкнулась с Сяохуа нос к носу. А-Ляо мгновенно пленилась её красотой. Задрав голову, она принялась разглядывать девушку:

– Какая статная барышня! Сочетать в себе столь редкое изящество и завидное здоровье воистину удивительно! Перед тобой Чжансунь Жань, уроженка Дунчуня, среди людей зовусь «Знатоком прекрасных бутонов Дунчуня». И больше всего на свете я люблю ценить такие же нежные, пленительные цветы, как ты. Осмелюсь спросить, как зовут прекрасную барышню?

А-Ляо придвинулась к Сяохуа почти вплотную, выпрашивая с явной жадой в глазах. Сяохуа с ледяным лицом отчеканила:

– Сяохуа.

Улыбка А-Ляо сползла с лица в ту же секунду. Она мгновенно отпрянула на три шага и в корне переменила тон, заговорив с глубочайшим почтением:

– Прости мою слепоту... Так это вы, доблестная Сяохуа? Я слышала, вы сейчас принимаете противоядие и ваш облик меняется, но не думала, что вы станете столь... кхм, столь иной. Воистину, неопишемое зрелище.

– Что вам нужно?

– Я пришла проведать Тинсуй и сестрицу Вэньцзюнь. Когда мы только прибыли в Жуниин, на нас свалилась гора дел, так что выбраться в гости никак не получалось. И вот, наконец-то подвернулся удобный случай.

Пока они разговаривали, из темноты одна за другой вынырнули сестрица А-Жань и Чжансунь У. Вся эта шумная орава потоком двинулась напрямик в Бамбуковую обитель. Сяохуа поначалу хотела было преградить им путь, но, поразмыслив, бросила эту затею и вошла во двор вместе с ними.

В Бамбуковой обители Вэй Тинсуй без умолку поддразнивала Чжэнь Вэньцзюнь, отчаянно пытаясь заставить её произнести вслух те самые слова, которые и так были очевидны им обоим. Чжэнь Вэньцзюнь стояла на своём и ни за что не сдавалась, упиваясь этой обоюдной игрой намёков и полувзглядов.

– Всё ещё молчишь... – Вэй Тинсуй подалась к ней ближе, собираясь шутливо щёлкнуть её по носу, как вдруг запнулась о стоявший у ног низкий столик, уставленный яствами и вином, и всем телом повалилась прямо в объятия Чжэнь Вэньцзюнь.

Чжэнь Вэньцзюнь вскрикнула «Осторожно!» и намертво перехватила её.

Поначалу Вэй Тинсуй лежала в её руках довольно неловко, но когда Чжэнь Вэньцзюнь бережно приподняла её, та оказалась сидящей прямо у неё на коленях, лицом к лицу.

В таком положении, казалось, не оставалось иного исхода, кроме поцелуя. В этот миг даже любые слова казались лишними.

Дурманивший аромат и безупречная красота Вэй Тинсуй окончательно вскружили Чжэнь Вэньцзюнь голову. Обхватив пальцами её подбородок и не давая отстраниться, она уже потянулась к её губам, как вдруг во двор с шумом и хохотом ворвалась толпа гостей. Чжэнь Вэньцзюнь так сильно вздрогнула от испуга, что едва не выронила сидевшую на руках спутницу.

<http://bllate.org/book/17227/1866512>